

Гот
135

18-го, что дело Горинов. начинается через месяц. Он был с нами любезен до пес plus ultra. Угощал папиросами, жал нам руки и т. д. Пишите (легально) в Тюмень до востребования. Обнимаю Вас всех мои хорошие, дорогие, душою Ваша*.

Письмо это, повидимому, было написано Александрой Владимировной Афанасьевой-Чернявской, осужденной 24 июля 1878 г. по делу Ковальского в ссылку в Тюмень, и отправленной из Одессы в этап через Киев вместе с другой осужденной по этому же делу Верой Виттен, 8 августа т. г. Благодаря тому, что „окна политических мужчин“ выходили на дворик, по которому гуляли политические женщины, т. Аф., зная наверно о предполагавшемся побеге, передала покойному Беверлею эту записку.

Нужно думать, что т. Беверлей, также входивший в одесский кружок, группировавшийся вокруг Ковальского, знал, кто такой „Хабибулов“, которому эта записочка была адресована.

Кто из тогдашних одесских революционеров носил эту кличку, точно установить не удалось. По мнению т. Л. М. Мержановой—это должно быть был Александр Николаевич Акимов, член кружка, впоследствии умерший в киевской тюрьме. По сообщению же т. С. И. Феохари¹⁾ на Каре „Хабибулой“ звали В. Кленова, осужденного на каторгу тоже по делу Ковальского.

Кстати будет сказать, что одесские жандармы развели большую энергию в поисках Хабибулова. Нашли какого-то татарина с приблизительно подходящей фамилией—не то мелкого торговца, не то сапожника, любителя, выпить и к тому же „дерзкого на язык“. Подержав немного этого предполагаемого адресата, принуждены были его выпустить.

Упоминаемый в письме „Фишер“, несомненно, судившийся в „Одесской группе“ процесса 193-х—В. Фишер. То, что по приговору ему „вменено в наказание предварительное заключение“, не помешало, конечно, 3-му отделению выслать его в административном порядке.

„Е. л. И в.“ — наверно, сестра Веры Виттен—Елизавета Ивановна Виттен-Россицова, осужденная в 1880 г. на каторгу по делу подкола под Херсонское казначейство.

„В е р а“ — Вера Ивановна Виттен — осуждена, вместе с автором письма, к ссылке в Тюмень.

„Л и д а“ — Леонида Михайловна Мержанова — приговорена по этому же делу к 3-х недельному аресту.

„Ф е д о р“, по предположению т. Мержановой—или В. Свитыч-Илич, который был арестован по паспорту Федора Воскресенского или же Федор Курицын (о предательстве которого тогда, понятно, не было известно).

Готалов

135

Проф. А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ

¹⁾ Участник Одесских кружков, после вооруженной демонстрации 24/VI—1878 г., в которой Т. Ф. принимал активное участие, бежал в Киев. Здесь был арестован вместе с Дебагорно-Мокриевичем и др. При аресте оказал вооруженное сопротивление. Был приговорен к каторжным работам, которые отбывал на Каре.

736666

А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ.

Народное образование в б. Одесской губернии под влиянием голода и разрухи 1921—22 годов.

Предисловие. Об источниках.

Настоящий очерк является извлечением из более широкой моей работы, исполненной еще в 1923 г. Источниками для нее послужили, главным образом, рукописные ежемесячные и годовые отчеты уездных отделов народного образования, а также отчеты и справки, полученные от различных просветительных учреждений за 1921 и 1922 г., обработанные под моим руководством в информационно-статистическом отделе бывш. одесского губернского отдела нар. образования. Эти материалы вошли, между прочим, в составленный при моем участии отчет одесского губернского отдела нар. образования в одесской публичной библиотеке (отдел II, № 7237). Из печатных материалов, к которым пришлось прибегать в гораздо меньшей мере, здесь приняты во внимание: коллективный труд, составленный при моем участии «Опыты и проблемы социального воспитания. Вып. II-ой. Первый детский городок имени „Коминтерна“. Изд. Од. Губоно. Одесса. 1922 г. Брошюра И. А. Хаита „На переломе“. Изд. Од. Губоно. Одесса. 1923. Брошюра „Месяц помощи детям“. Бюлет. 1921—1923. Изд. Од. губсоцвоса и междуведом. комис. беспризори. реб.—Брошюра „Операционный план одесского отдела народн. образования на 1921 г.“ (Составл. под моим руководством).—„Бюлетени одесского губстатбюро“ за 1921, 1922 и 1923 годы и др. (см. в тексте). Следует еще оговорить и то, что в настоящем кратком очерке имеются в виду только детские учреждения социального воспитания.

Под одесциной здесь разумеется одесская губерния в границах 1923 г., в которую в конце 1922 г. вошли б. одесская и б. николаевская губерния в составе 9 уездов: балтского, вознесенского, днепровского, елисаветградского, николаевского, одесского, первомайского, тираспольского и херсонского.

1. Общее угасание просветительного дела на фоне голода и разрухи.

Такой могущественный фактор, как голод 1921—1922 гг., не мог не оказать рокового влияния на просветительное дело. Нужно принять во внимание то, что только за год до наступления голода, в 1920 г., вся система народного образования на Украине подверглась коренной ломке от основания до верхушки, от дошкольных детских учреждений до высших учебных заведений. Спешно ломая старое, советская власть еще не успела, однако, создать прочной сети учебно-воспитательных учреждений, так как работа производилась в крайне тяжелых условиях, среди всеобщей разрухи. Следует отметить и то обстоятельство, что сеть школ накануне голода чрезвычайно разрослась. Так, в бывш. херсонской губернии в 1913 г. число школ составляло, в круглых числах, около 2300 с 209 тысячами учащихся, а в одесской губернии в 1920 г.—более 3300 с 327 тыс. учащихся. Конечно, по существу это было только внешним разбуханием сети,

патологической ее гипертрофией, при все увеличивающемся внутреннем разложении, но тем тяжелее становилось управление таким грузным аппаратом.

Под влиянием этих причин просветительное дело должно было неминуемо подвергнуться разрушению в такой степени, как ни одна другая область культуры, и в наиболее тяжелом положении оказались, конечно, учреждения тех местностей, в которых сильнее всего свирепствовал голод. К таким местностям принадлежал, между прочим, одесский уезд. Какие болезненные изменения произошли здесь, об этом красноречиво повествует отчет по народному образованию этого уезда за 1922 г. „Голод в самом корне изменил жизнь уезда вообще, выбив ее из нормальной колеи и создав невозможные условия существования для большинства жителей уезда. Дело просвещения начало заметно хиреть и ухудшаться... Школы и политико-просветительные учреждения стали закрываться одно за другим... отношение населения к делу просвещения было равнодушным и безразличным, что являлось исключительно результатом голода. Уездный отдел народного образования не имел никакой возможности парализовать этот индифферентизм. Дети в интернатах владели жалкое, полуголодное существование. Истощение детей зачастую оканчивалось смертным исходом. Были также крайне развиты инфекционные болезни и особенно сыпной тиф“.

В отчете по голодному днепровскому уезду отмечено в связи с голодом стремительное сокращение сети учреждений социального воспитания и закрытие целого ряда учреждений профессионального образования.

В голодном херсонском уезде зачала просветительная работа по всем линиям; осталась одна забота о спасении детей в интернатах и учащихся в школах.

Тираспольский отдел народного образования пишет в своем отчете „Благодаря тяжелым формам народного бедствия, когда все внимание советской власти было сосредоточено на локализации ужасов голода и на спасении от голодной смерти возможно большего количества жизней, дело просвещения подростящего поколения естественно было на втором-месте. Голодному, умирающему крестьянину было не до школы“.

Такова мрачная обстановка, в которой еле теплилась жизнь просвещения, прозябая до поры до времени, пока не наступили лучшие времена.

В данных условиях линия направления органов народного образования была ясно и точно намечена еще в 1920 г. Вот, что мы читаем, например, в печатной объяснительной записке к операционному плану одесского губернского отдела нар. образ. на 1921 г.: „В период экономической катастрофы наркомпрос Украины и губнаробраз ставят себе целью спасение возможно большего числа детей от голода, холода и от разлагающего влияния вредной среды. Таким образом, социальное обеспечение детей есть боевая задача момента. Как ни высоко ставится социальное воспитание и образование, но по соображениям времени они занимают лишь второе место после социального обеспечения“.

Материальная база органов народного просвещения между тем все слабела, число пайков, отпускавшихся из центра, стремительно падало, а в летние месяцы 1922 г. детские учреждения (школы и интернаты) были совершенно сняты с государственного снабжения; пока подоспел на помощь местный бюджет, эти учреждения повисли в воздухе, ежеминутно рискуя погибнуть.

По мере сокращения государственной базы снабжения, к содержанию детских интернатов пришлось привлечь различные обществен-

ГОТАЛОВ

135

ные организации. И вот, в начале 1923 г. мы видим, что вместо прежней единой государственной базы, детские интернаты очутились на содержании целых 8 организаций, а именно: государственного бюджета, местного бюджета, Помгола, профессиональных союзов, еврейск. обществ, комитета, волсполкомов, сельских обществ и домовых участков комитетов. Говоря о средствах снабжения, необходимо упомянуть о т. н. „хозяйственном обростании“ просветительных учреждений. Чем более истощалась государственная помощь, тем шире приходилось развивать учреждениям свои хозяйственные функции. Главной формой „хозяйственного обростания“ было огородное хозяйство, но были и другие формы. По размерам и успешности это дело было крайне пестро. Оно имело, конечно, свои положительные стороны, пополняя ресурсы питания и развивая у детей и воспитателей хозяйственно-трудовые навыки, но в то же время односторонние хозяйственные заботы отвлекали от чисто педагогических интересов и грозили совершенно атрофировать последние. Гипертрофия хозяйства в просветительных учреждениях шла об руку с общим угасанием педагогического дела.

2. Состояние детей. Одежда, обувь, топливо, питание.

Чтобы получить представление о том, как тяжело было бороться с бедствиями, нужно иметь в виду, что физическое состояние огромного большинства из них и до наступления полного неурожая 1921 г. было неудовлетворительным, так как недоедание было хроническим явлением в детских учреждениях еще в 1920 г. Кроме того, подавляющее большинство детей было в буквальном смысле раздето и разуты. Вот, например, статистические данные об обуви и одежде в 1922 г. по 1-му детскому городку в Одессе, т. е. тому учреждению, которое привлекало к себе максимум внимания и находилось поэтому в сравнительно благоприятных условиях (из отчета д-ра Херсонского).

О б у в ь:

отсутствует	у 29,3% детей
плохая	„ 66% „
удовлетворит.	„ 4% „
хорошая	„ 0,7% „

О д е ж д а:

плохая	у 92,5% детей
удовлетворит.	„ 6,5% „
хорошая	„ 1% „

Эти данные относятся к 1922 г. В 1921 г. дело обстояло еще хуже. О положении дела в уездах может дать справка по днепровскому уезду. Здесь при обследовании детских домов и интернатов оказалось следующее:

по 1 паре обуви имели	30% детей
„ 1 чулок	14% „
„ 1 головному убову	15% „
по 1 пальто имели	8% „
„ 1 тарелке	60% „
„ 1 ложке	50% „
„ 1 чашке	14% „
„ 1 вилке	7% „

Остальные дети были совершенно лишены всего необходимого. Не лучше обстояло дело в елисаветградском уезде, где обмундированием были снабжены только 30% детей, а обувью от 2-х до 7%.

Дети в домах вознесенского уезда были почти сплошь раздеты и разуты. За год было получено только 750 аршин мануфактуры, 20 одеял и мешки для матрацов. Снабжение детских домов одеждой от „Ара“, „Джойнта“ и „Евобкома“ было также крайне недостаточно.

В николаевском уезде дети были снабжены теплой одеждой только на 10—15%, обувью на 20%.

Плохо обстояло дело также с топливом. В балтском уезде, например, только 6% детских домов были снабжены им достаточно, а 24% — только наполовину; остальные 60% вовсе были лишены топлива. В иных местах условия были еще ужаснее.

Что касается пищи, то среднее снабжение детских домов было различно, в зависимости от местных условий, но в общем 1921—1922 год был годом сплошных детских страданий на почве недоедания.

В одесском 1 дет. городке имени Коминтерна, о котором была усиленная забота, средний рацион в осенние и зимние месяцы 1921 г., когда жизнь сравнительно уже наладилась, не превышал 60% нормы, а рацион крупы одно время упал до 7 золотников в день. Отчеты, донесения и письма из уездов рисовали самую жуткую картину голода массы детей в учреждениях, не говоря уже, конечно, о беспризорных и бесприютных. В уездах, в общем, положение со снабжением детских учреждений было значительно хуже, чем в Одессе. Лишь незначительная часть детей получала пайки от государственного снабжения, другие содержались Евобкомом, третьи — на всякие местные ресурсы. Состояние последних было особенно плохо, так как эти ресурсы добывались неаккуратно, а летом 1922 г. их приток совершенно прекратился. Всякие специальные сборы, производимые по домам, на базарах и пр. в пользу голодающих детей, дали в общем ничтожные результаты.

И вот раздетые, разутые и голодные дети должны были еще выдержать борьбу с сокрушительным ураганом эпидемий.

3. Беспризорные и бесприютные дети.

Как ни тяжела была жизнь в детских интернатах, все же в зимние месяцы она являлась недосыгаемым благополучием для огромной массы беспризорных и бесприютных детей, буквально умиравших от голода и холода на базарах, улицах, площадях, у вокзалов, подъездов, или в берлогах среди развалин.

Толпы беспризорных и бесприютных детей, как результат империалистической и гражданской войны и общей разрухи, стали грозно увеличиваться еще до неурожайного 1921 г., но в 1922 г. рост беспризорности принял по истине катастрофический характер, и в течение всей первой половины этого года деятельность просветительных органов была, можно сказать, почти целиком поглощена борьбой с беспризорностью.

В 1920 г. на территории одесской губернии насчитывалось около 15 тысяч беспризорных и бесприютных детей, в 1921 г. их уже 50 тыс., а в 1922 г. — 100 тысяч, и только к концу 1922 г. число их падает до 75 тыс. Конечно, все эти цифры не отличаются точностью, но во всяком случае они, вероятно, ниже действительности. К сожалению, далеко не везде было произведено полное обследование беспризорных. На 1 мая 1922 г. в Одессе было обнаружено свыше 13 тысяч беспризорных и голодающих детей, из которых около 6 тысяч нужд

лись в интернировании вследствие полной беспризорности. Из всех уездов получались сведения о массовой бесприютности детей и о непосильной борьбе с этим бедствием. Чтобы измерить весь ужас детского несчастья, необходимо принять во внимание то, что среди беспризорных и бесприютных значительный процент падал на малолетних. Так, по справкам из днепропетровского уезда на 2623 беспризорных приходилось 1743 круглых сирот; 954 были в возрасте от 4 до 8 лет.

Каковы же были методы и средства борьбы с беспризорностью? В руках органов народного образования главным средством было интернирование детей. Предварительно производилось, в пределах возможности (а эта возможность была невелика), обследование беспризорных. Оба явления,—борьбу с беспризорностью и интернирование детей, как неразрывно друг с другом связанные, приходится поэтому рассматривать параллельно. Приводим ниже таблицу роста беспризорности и рядом—роста детских домов-интернатов.

Год	Количество беспризорных детей	Количество детских интернатов	Количество детей в них
1920 г. . .	15.000	99	5.788
1921 г. . .	50.000	286	17.958
1922 г. июль	100.000	350	20.697

Как видно из этой таблички, число беспризорных увеличилось за два года почти в 7 раз, а число интернированных детей возросло за это время, при крайних, усилиях государственных и общественных организаций, менее, чем вчетверо; рост интернирования, таким образом, сильно отставал от роста беспризорности. Конечно, на фоне общего распада просвещенческого дела интернирование в 1922 г. более двух десятков тысяч детей есть достижение, абсолютная ценность которого очень значительна, но, во первых, жизнь в большинстве домов-интернатов была крайне неприглядна, во-вторых, за порогом детских домов все так оставались десятки тысяч детей. В интернаты принимались лишь наиболее нуждающиеся в приюте. С этой целью проводилась перерегистрация во всех детских домах в целях освобождения необходимых мест для бесприютных детей за счет тех, которые в какой-либо форме могли опереться на семью и для которых уход из интерната не мог повлечь за собою пагубных последствий. Что же было делать с остальными массами детей? Поддерживая с величайшим трудом существование переполненных до отказа детских домов, органы народного образования, конечно, были совершенно лишены возможности принять на свои слабые плечи всю тяжесть заботы о голодающих детях городской улицы и деревни. В виду этого главную часть заботы пришлось переложить на Помгол, Последгол, Евобком, украинский „Червоний хрест“ и на иностранные организации помощи: „АРА“, „Джойнт“ и нансеновскую. Деятельность наиболее могущественной организации—„АРА“ началась в Одессе 30-го апреля 1922 г. К началу июня „АРА“ питала в Одессе уже 28 тыс. детей. В 320 питательных пунктах „АРА“ по уездам одесской губернии питалось в июне 1922 г. около 106,5 тысяч детей, затем сеть была еще увеличена, так что в августе общее количество детей, питавшихся на всех пунктах губернии (городских и сельских), дошло до 180 тыс. „АРА“ выдавала также дополнительное питание детям интернатов, направляя в учреждения свои продукты. Пайки „АРА“ вместе с пайками Евобцесткома обслуживали в течение лета 1922 г. значительные кадры детей государственных интернатов, а отчасти и их

сотрудников. Рядом с этим развил свою деятельность и украинский „Червоний хрест“.

В развитии беспризорности бывали бурные вспышки, в зависимости от той или иной катастрофы экономического характера. Так, когда осенью 1922 г. обнаружился недород в ближайших к Одессе местностях, в город стали вновь стекаться массы бесприютных и голодающих детей, бродячие группы которых можно было видеть на каждом шагу. В это время стали поступать также сведения из уездов о новом росте беспризорного детства, о скоплениях детей на узловых станциях железных дорог. Отделы народного образования вновь оказались беспомощными перед надвинувшейся новой волной бесприютного и голодающего детства. Так как не было никакой возможности открыть новые интернаты, то, чтобы приютить эти кадры детей, пришлось уплотнить до максимума существующие интернаты и влить в них бесприютных детей. Конечно, вновь принятые массы уличной детворы внесли в кое-как налаженную с величайшим трудом жизнь детских домов сильнейшую струю социальной запущенности и разложения, но это была крайняя, неизбежная мера, с одной стороны, диктуемая общей просветительной политикой народного комиссариата Украины, с другой, проводимая под стихийным напором громадных кадров бесприютного детства.

Во второй половине 1922 г. большую помощь оказывал Последгол, на средства которого содержалось в городских и сельских интернатах значительное число детей. Наряду с этим привлекается к делу помощи общественная самодеятельность. Началось принудительное расселение бесприютных детей. Начавшись в г. Одессе еще в начале 1922 г., это расселение протекало в различных формах; дети прикреплялись к отдельным семьям или же вселялись в нарочито, наспех организованные интернаты участковых домовых комитетов. В июне 1922 г. в г. Одессе было 24 участковых интерната на 1123 дет. К 1-му августу таких интернатов было 44 на 1.576 д. В конце декабря 1922 г. нагрузка интернатов детьми достигла своего максимума; не увеличивая сети детских домов, довели общее число интернированных детей губернии до 21345. Но беспризорность была ликвидирована лишь отчасти, и на 1923 год остался еще значительный контингент таких детей, отчасти зарегистрированный в органах охраны детства, отчасти рассеянный по селам и по линиям железных дорог. По приблизительным расчетам этот контингент доходил в начале 1923 г. до 75 тыс.

4. Болезни и смертность в интернатах.

На почве голода и недоедания развились до огромных размеров остро-заразные болезни.

По данным губстатбюро за 1922 г., в одесской губернии (включая сюда и территорию николаевской губернии) было зарегистрировано 114.940 остро-заразных заболеваний, главным образом, возвратного и сыпного тифа, холеры, брюшного тифа, остро-гастро-энтерита и других. Наибольшая вспышка заболеваний пала на май и июль (сыпняк и холера). Но эти данные, конечно, значительно ниже действительности.

Эпидемия холеры приняла грозные размеры. Начавшись еще в апреле 1922 г., эта эпидемия достигла наибольшей высоты в августе, а затем ослабла и исчезла.

Особенно сильно пострадали от заболеваний города—Херсон, Тирасполь, Вознесенск и одесский уезд.

В тираспольском уезде болезни и смерть неумолимо косили истощенную детвору, эвакуированную сюда еще в 1921 г. В тираспольском детском городке, переполненном взятыми с улицы беспри-

зорными детьми, в буквальном смысле слова питавшимися всякими отбросами еще до поступления в детский городок, пошли эпидемические заболевания, а отсюда огромная смертность, тем более, что городок находился в крайне анти-санитарном состоянии.

В елисаветградском уезде в домах для беспризорных детей условия были столь ужасны, что летом за очень короткий срок умерло 200 детей из 600, и только вмешательство упаркома и укомпомгола спасло детские дома от окончательной гибели.

В голодающем днепровском уезде смертность среди детей приняла катастрофические формы. В одном из детских домов погибло в течение 3-х месяцев 3 детских состава.

В херсонском уезде вымерло до 40% детей в интернатах.

Даже в сравнительно благополучном балтском уезде голод и болезни унесли в могилу очень большое число детей из интернатов.

В одесском 1 детском городке на почве дурного питания страшно бушевала дизинтерия, унесшая в 1921 г. массу жертв.

О том, какие страшные опустошения произвели стихийные бедствия в рядах детей, говорят, между прочим, следующие цифры: Численность детей в возрасте от 8 до 15 лет составляла в 1920 г. в одесской губернии (без Николаевщины) 712.914 человек, а в 1922 г. на той же территории числится только 555.817, т. е. меньше на 157.197 детей. Таким образом, голод и прочие бедствия не только поглотили естественный прирост детского населения, но даже сократили его почти на 21% его первоначального состава.

Среди уличной детворы необычайное развитие получили, сверх того, набожные болезни: чесотка, стригущий лишай, фавус. Огромный % таких детей очутился в детских домах. Чтобы справиться с этим бедствием, пришлось вести продолжительную, тяжелую борьбу.

Чтобы дополнить эту картину, приведу статистические данные заболеваний за 1922 г. в Первом детском городке г. Одессы, крупнейшем воспитательном учреждении на Украине (в мае 1922 г. здесь числилось 1664 детей):

Переболело	%/о отношение к общ. числу обследован.
Тифами	52,1%
Другими инфекцион. болезн.	52,1%
Холерой	1,6%
Неизвестными болезнями . .	12,1%

(из отчета д-ра Херсонского.)

Из таблицы видно, что все дети переболели инфекционными болезнями, а некоторые и двукратно.

Однако, необходимо принять во внимание, что эти данные относятся к учреждению, более благополучному, чем многие другие интернаты.

Чтобы составить себе ясное и точное представление о том, какие тяжелые следы оставили бедствия голода и болезней в уцелевших от гибели детских организациях, необходимы были бы точные статистические и антропометрические сведения, но таковые производились далеко не везде. Вот, что дает, например, осенний (1922 г.) осмотр детей в том же 1-м детском городке в городе Одессе:

„Подробно осмотрено было 807 детей, что составляет немного более 50% детского населения городка; мальчики и девочки взяты в одинаковом количестве. Обращаясь к данным о состоянии детских организаций в смысле упитанности, находим следующее:

Состояние упитанности подкожной клетчатки	%/о отношение к общему числу обследованных
Хорошее	8,2%
Умеренное	51%
Плохое	44,1%
Анемия	51,5%
Скруфулез	6,5%
Предтуберкулез	1,6%
Увеличение лимф. желез . . .	8,7%
Сколиоз	26,1%

(Из того же отчета).

Таким образом, лишь ничтожное число детей может быть признано благополучным в смысле общего состояния организма*.

5. Моральное разложение детских интернатов под влиянием голода. Детская преступность.

Хроническое недоедание, как известно, разлагающим образом влияет на детскую психику. В отчетах из уездов рисуются жуткие картины распада детских коллективов на почве морального их разложения. Так, например, отдел народного образования балтского уезда сообщает, что под влиянием голода среди детей, живущих в интернатах, стали обычными явлениями такие черты, как лживость с преступной целью, вороватость, неимоверный, чисто животный эгоизм, жестокость и крайнее деспотическое отношение старших детей к младшим. Неимоверный рост детской преступности установлен во всех уездах губернии, но статистические сведения были получены только по немногим местностям, и, кроме того, эти сведения, конечно не отличались полнотой, так как значительный % детских правонарушений ускользнул от регистрации. Характерна форма детских правонарушений. Например, из 252 дел, поступивших в херсонскую комиссию по делам о несовершеннолетних, 204 дела падали на преступления, совершенные на почве голода. Засвидетельствовано с полной достоверностью 6 случаев людоедства. Такая же картина, вплоть до детского бандинизма, рисуется повсеместно.

Одновременно наблюдается повсеместно не только застой, но и тяжелый регресс в умственной жизни детей, все внимание которых как бы под гипнозом было приковано к единственной цели — добыванию пищи. Для примера приведу несколько ярких мест из жизни 1 детского городка в Одессе (в описании проф. С. О. Лозинского): „В связи с недоеданием и холодом жизнь большинства детских домов городка в зимние месяцы 1921—1922 года походила на состояние зимней спячки. Многие дети, по возможности, не сходили с постели, другие, сбившись в кучу, сидели на коврах или окружали тлеющие „казанки“. Духовная жизнь таких домов еле теплилась. В более сытые или более теплые дни дети, которые покрепче, проявляли известную активность и даже присущую юным организмам жизнерадостность, но более слабые сидели обыкновенно в своих типичных позах с головой, покрытой одеялом, напоминая больных птиц или голодающих индусов“. В некоторые моменты 1921—1922 годов жизнь слабых детских домов городка доходила до полного развала. Вот одна из картин такого рода. Декабрь месяц 1921 г. На дворе мороз, снег. Все двери детского дома № X открыты настежь, Ветром снег заносит через выбитые оконные стекла в комнаты. В первом этаже детей не видно. Во втором, в двух спальнях, на кроватях, закутавшись с головой в одеяла, сидят дети. Сколько их и какие они,—разобрать нельзя. Копоть и чад от „казанки“, у которого 3 старших что-то жарят. На приветствие посетителя дети либо молчат, либо отделиваются безразличным ответом; в дотонку ушедшему раздается ругань. Внизу, в комнате вос-

питательниц, та-же картина: копоть, чад, „казанок“, подтапливаемый разобранной верандой, закутанные фигуры воспитательниц, открытая на улицу дверь соседней комнаты, которую наполовину завалило снегом. Продукты на обед кем-то уворованы. Всюду в доме царит апатия. Все дети больны чесоткой, покрыты насекомыми, не помнят, когда мылись и меняли белье. Столовая на ночь обращается в уборную (гадят на пол, гадят в посуду для еды). Отношения между воспитателями и детьми крайне нездоровы. Дети глубоко убеждены, что воспитатели существуют лишь для того, чтобы „сжудить“ детский хлеб. („Первый детский городок имени Коминтерна“, Одесса, 1922, стр. 141 сл.).

Это, как мы сказали, описание слабого детского дома, но, к несчастью, в ужасную зиму 1921—1922 г. жизнь огромного большинства дет. домов была пришиблена настолько, что они в большей или меньшей степени походили на вышеприведенную картину.

6. Учителство и школа.

Если мы от детских домов-интернатов обратимся к массовой школе, то увидим ту-же печальную картину разложения.

Что в это время переживал учитель,—главный фактор организации педагогического процесса в школе, от благополучия которого зависит судьба народного образования?

В смысле общеполитической грамотности, а в особенности со стороны понимания задач и духа социального воспитания и профессионально-технического образования, масса учительства оставалась мало затронутой почти до второй половины 1922 г. Но и та небольшая работа, которая была проделана в этом направлении, в 1920—21 уч. году, почти бесследно исчезла среди моря нахлынувших бедствий.

Страшный недород с сопутствующими ему бедствиями и последствиями нанес сокрушительный удар учительской массе, обездолил ее экономически, сильно уменьшил ее количество, понизил ее качественный уровень, благодаря гибели многих квалифицированных работников и отсутствию надежной смены, и на некоторое время отвлек их от духовных запросов в сторону чисто животной борьбы за жизнь. Призрак смерти заставил много учителей сняться с насиженных мест и бежать, куда глаза глядят; многие подверглись дисквалификации, бросили свою профессию и занялись иным трудом.

И вот мы наблюдаем, что в селах учителя стремятся осесть на землю, становятся крестьянами, или батрачат, занимаются ремеслом и т. п. В городах учителя составляют артели по рубке дров, возят тачки, сапожничают, портняжат, чистят дымовые трубы и пр. А школа становится для учительства чем-то побочным.

В одесском уезде, например, большинство школ вовсе бездействует в 1922 г., а в остальных посещаемость падает до 25—30%. То-же происходит и в других уездах. На место ушедших более или менее квалифицированных учителей приходят случайные лица, без образования и без педагогического опыта, что ведет к продолжительному понижению общего уровня учительства. Ни уездные съезды, ни волостные конференции не могли расшевелить учительской массы. Наоборот, эти съезды и конференции только раздражают. Среди учительства растет недовольство.

Это настроение ярко очерчено в отчете отдела народного образования первомайского уезда, где положение вещей не было еще так тяжело, как в других уездах. Когда над учительством повис призрак голода, по адресу местного отдела народн. образов. понеслись проклятия; его обвиняли в злоупотреблениях, ему выражали абсолютное недоверие. Педагоги были глубоко убеждены, что при жесточайшей и настойчивости уездный отдел народного образования мог бы

дов в уезде, ...
бедствие учителей из голода ...
инный от общения с культур ...
ниг, опускается и дичает.
... о том, что школьные здания ...
и учебные пособия приходят в ...
о посещении школы детьми за ...
... доверия. В отчетах учителей значатся ...
... как учащиеся, но фактическая посещае ...
... ничтожна, понижаясь до 10—20% состава школы.

В голодающих уездах происходит даже катастрофическое исчезновение множества школ, после чего отдельные школы становятся как-бы оазисами среди пустыни. Так, в николаевском уезде в 1922 г. одна школа приходилась на 65 квадратных верст.

7. Возрождение школы под влиянием урожая.

Кто был свидетелем чудодейственного возрождения школы после прекращения голода 1921—22 г.г. и общего улучшения ее хозяйственной базы, тот получил наглядный урок всеобъемлющего значения экономического фактора.

Во второй половине 1922 года, когда по всей губернии пробегает какое-то живительное дыхание, просветительное дело также начинает выходить из мертвящего паралича. Это—первые результаты реализации нового, хотя и низкого урожая, и нового экономического фактора—местного бюджета.

Отчеты с мест начинают свидетельствовать о том, что, с одной стороны, население уездов, материальное положение которого улучшилось к концу 1922 г., явственно стало интересоваться вопросами просвещения, с другой,—учительство, почувствовавшее под собою некоторую твердость в экономическом отношении, стало проявлять несомненные признаки активности. Начались съезды, конференции, курсы, семинары, стали наполняться школьные помещения, ожили детские дома, читальни и клубы.

Этот перелом ярко характеризуется в отчете по одесскому уезду в следующих выражениях: „Осенью выяснилось, что взгляд населения на нашу школу резко изменился, и что отношение жителей уезда к делу просвещения стало не только благожелательным, но и вдумчивым, серьезным и определенно сознательным. Если в прошлом учебном году школьная жизнь замерла, а в некоторых местах совершенно прекратилась, то в настоящем году наблюдается обратное явление. У учительства замечается поворот в смысле проявления интереса к новым приемам и методам обучения и спроса на педагогическую и политическую литературу“.

С осени, когда материальное положение значительно улучшилось, когда непосильная погоня за куском хлеба уже не поглощает всецело внимания учительства, оно остро почувствовало потребность в работе на своем временно заброшенном поприще—на ниве народного образования. Апатия и пессимизм сменились живым интересом и активностью. Так, на конференции в гор. Первомайске уездное учительство заявляет о своем искреннем желании итти рука об руку с правительством и отдавать все свои знания, способности и силы работе на ниве просвещения и полнейшему закреплению пролетарской власти. Среди учительства определенно проявился подъем, который,

полнению своих профессиональн
блюдаться большой спрос на пед
литературу. Помимо своей прямой
принимать участие в проведении р
по договорной школе, по продр
уезде учителями была проведена пе
в возрасте от 4-х до 16-ти лет, а также
детей.

Повсеместно в губернии со второй половиной 1922 г.
водиться учет материальных ресурсов, которыми могла распола
школа; приступают к созданию минимальной школьной сети. Наряду
с школой, содержимой за счет местного бюджета, возникает в сен
тябре 1922 г. школа договорная, общественная, существующая на
средства начинающего крепнуть крестьянского населения. К 1 января
такие договорные школы составили около 75% всей школьной сети.
Профессиональные союзы, в свою очередь, также начали поддержи
вать школу.

Конец 1922 г. можно считать переломным периодом в истории
советской школы на Украине (см. И. Хаит „На переломе“, Одесса
1923). Хотя школьная сеть в начале 1923 г. была еще редка, хотя
материальные ресурсы школы и детского дома были еще очень
слабы, хотя учебно-воспитательная работа в детских учреждениях
только начала тогда разворачиваться, но все худшее осталось позади.

736666

